

Попов И. Д. Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918—1933) в советской и постсоветской историографии / И. Д. Попов // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 308—344. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-308-344.

Popov, I. D. (2019). Regional Policy of Germany during the Weimar Republic (1918—1933) in Soviet and post-Soviet Historiography. *Nauchnyi dialog*, 8: 308-344. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-308-344. (In Russ.).

УДК 94(430).085

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-308-344

Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918—1933) в советской и постсоветской историографии

© Попов Иван Дмитриевич (2019), orcid.org/0000-0001-6740-2387, ResearcherID C-9135-2014, SPIN 7156-7061, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия), idpopov@gmail.com.

Рассматривается советская и постсоветская историография региональной политики Германии в годы Веймарской республики. Отмечается, что, несмотря на эпизодическое обращение к этой тематике и зачастую обзорный и фрагментарный характер её исследования, за прошедший век были обозначены и в разной степени изучены основные проблемы регионального развития и отношений имперского центра с землями 1918—1933 годов. Показано, что наблюдаются существенные расхождения в исторических оценках вариативности советизации регионов в годы Ноябрьской революции, сущности веймарского федерализма и путей его трансформации, положения Рейхсрата, германо-прусского дуализма, характера режима Ордунгсцелле в Баварии, значения имперской экзекуции в Средней Германии 1923 года и в Пруссии 1932 года, природы рейнского национализма, содержания политики унификации земель. Дискуссии по каждой из этих проблем рассматриваются в статье. Сквозным вопросом является соотношение конституционного регулирования федеративных отношений и их практического воплощения. Делается также вывод, что между советскими историками и учёными постсоветской эпохи практически отсутствует преемственность в оценках региональной политики Веймарской Германии. В заключении представлены основные пробелы в изучении регионов Веймарской республики, которые в дальнейшем могут составить перспективные направления исследований.

Ключевые слова: Ноябрьская революция; Веймарская республика; германский федерализм; Бавария; Пруссия; рейнский сепаратизм; региональная политика; земли Германии; историография.

1. Общие положения

К началу Ноябрьской революции 1918 года Германия уже почти полвека представляла собой объединённое национальное государство, созданное под эгидой Пруссии. Вместе с тем многовековая раздробленность немецких земель определила не только существенные различия между регионами империи, но и их большое политическое значение. После Первой мировой войны, несмотря на попытки центральных властей углубить унитаризацию, регионы, напротив, усилили воздействие на государственную политику. Мало того, наиболее резонансные события в истории Веймарской республики часто возникали на региональном уровне. Примечательно, что и установление нацистской диктатуры сопровождалось одновременно не только принятием чрезвычайных законов, ликвидацией партий и профсоюзов, но и так называемой унификацией земель (*Gleichschaltung*), то есть уничтожением самостоятельности региональных органов власти. Это лишний раз подтверждает факт политического влияния регионов и важности исследования региональной политики Веймарской республики для более основательного и системного анализа развития страны в этот непростой период. В настоящей статье будет представлено современное состояние изученности региональной политики Веймарской республики в советской и постсоветской историографии (для обозначения историографии Веймарской республики также используется термин *веймаристика* [Черноперов, 2015, с. 292—294]).

В СССР интерес к немецким землям у историков был связан, как правило, с теми событиями, которые имели общегерманское значение или общегерманский резонанс. Обращение к проблемам веймарского федерализма и региональной политики было эпизодичным, а исследования носили фрагментарный характер. Сам же уровень германских земель служил преимущественно иллюстративным материалом для подтверждения определённых общенациональных процессов. Основное внимание в изучении внутреннего развития Веймарской республики было уделено революционному движению, партийному раскладу, а также утверждению фашистов у власти. В рамках этих базовых сюжетов и происходило эпизодическое обращение к проблемам региональной политики. В свою очередь работы, посвящённые наиболее резонансным событиям регионального уровня, должны были не только выдерживаться в рамках марксистско-ленинской методологии, но и акцентировать внимание на забастовочной и революционной борьбе немецкого пролетариата и деятельности Коммунистической партии Германии (далее — КПГ).

Тематика политического влияния отдельных земель и их взаимоотношений с имперским центром не только не вызывала большого интереса,

но и в какой-то степени являлась неудобной. С самого начала Ноябрьской революции во главе германских регионов встали политические силы, которым навешивались ярлыки либо оппортунистов и ревизионистов, либо реакционеров; а сама федеративная идея не только ассоциировалась со временами феодальной раздробленности, но и представлялась как попытка ослабить прогрессивные центристские тенденции и увести часть трудящихся от революционной борьбы. Кроме того, основной линией развития в советской веймаристике считали активизацию рабочего движения и его борьбу с ревизионизмом, империалистическими кругами и зарождающейся фашистской угрозой; поэтому неудивительно, что региональная политика часто рассматривалась в качестве периферии этих процессов.

В постсоветский период приоритетные тематики исследований Веймарской республики не претерпели серьёзных изменений, хотя и нашли значительное переосмысление: стали даваться более взвешенные оценки различным политическим партиям и их лидерам; в становлении фашистского движения больше внимания уделялось политической традиции и культуре; а в деятельности компартии акцент сместился на влияние Москвы. Стали разрабатываться и совершенно новые сюжеты: (история повседневности и прессы, положение нацменьшинств, политическая мифология и «консервативная революция», конституционное развитие). Как и в советское время, в рамках обозначенных тематик учёные эпизодически обращались и к региональному уровню. Вместе с тем авторы историографических обзоров не выделяют региональную политику в качестве самостоятельного направления в постсоветской веймаристике [Галактионов, 2007; Ерин, 2005; Космач, 2019; Терехов, 2002; Черноперов, 2015].

В то же время именно после распада СССР учёные впервые стали обращаться к феномену веймарского федерализма и даже посвящать этому специальные публикации. Первую попытку историко-правового осмысления федеративных отношений межвоенного периода предпринял юрист Е. Р. Кастель в рамках своей докторской диссертации [Кастель, 1995]. Ещё более системное рассмотрение веймарского федерализма было проделано в работах политолога В. И. Васильева [Васильев, 2000; Васильев, 2001]. Вместе с тем как В. И. Васильев, так и Е. Р. Кастель обращались в первую очередь к проблемам развития федерализма на современном этапе, поэтому региональная политика Веймарской республики у обоих авторов была представлена фактически в виде очерка, который должен был постепенно подвести к текущей действительности отношений центра и земель. Краткий обзор развития федеративных отношений в веймарской Германии содержится также в трудах политолога И. М. Бусыгиной [Бусыгина,

2000], историка-правоведа В. Г. Баева [Баев, 2005; Баев, 2006] и историков Н. В. Павлова [Павлов, 2007] и А. О. Целищева [Целищев, 2002].

Существенное продвижение в исследовании веймарского федерализма и углубление проблематики можно заметить в работах историка О. Г. Субботина, итогом которых стала докторская диссертация по трансформации федеративных отношений в Веймарской республике [Субботин, 2015]. Автор обращается не только к эволюции федеративной модели, но и к проблемам отношений между имперским центром и отдельными землями. В настоящее время диссертация О. Г. Субботина является крупнейшим на постсоветском пространстве исследованием вопросов региональной политики Веймарской республики. Отдельно можно отметить единственное на постсоветском пространстве исследование территориального устройства Веймарской республики, предпринятое юристом И. В. Лексиним. В своей статье он пришёл к выводу, что, несмотря на сокращения разрыва в размерах субъектов федерации, существенных изменений территориальная структура не претерпела, а доминирование Пруссии по-прежнему представляло одну из главных проблем федеративного устройства [Лексин, 2009].

2. Советизация регионов в годы Ноябрьской революции

Уже в годы Ноябрьской революции были отмечены важная роль регионов и установившегося в них политического расклада. Революционный процесс начался с городов балтийского побережья, перекинулся на другие провинции и лишь в своей кульминационной фазе дошёл до Берлина. К тому моменту власть на местах перешла к революционным советам, которые сосуществовали со старыми органами управления. Несмотря на повсеместную советизацию, интерес к отдельным регионам и региональному раскладу у советских историков был незначительным. Это было связано с тем, что большинство в советах зачастую составляли отнюдь не пробольшевиистские силы и потому советизация в различных местностях Германии имела вариативный характер. По выражению историка А. Е. Глушкова, «советское движение в немецкой революции в целом было далеко от понимания советов как формы диктатуры пролетариата» [История Германии ..., 2008, с. 128]. Во-вторых, изначальный потенциал Ноябрьской революции советские историки видели не только в большевизации Германии, но и в создании очередного трамплина для мировой революции. Поэтому события в отдельных регионах расценивались не более как ступени для восхождения общегерманского и даже общеевропейского революционного процесса, который, как считалось, был предательски остановлен оппортунистическими и ревизионистскими элементами. Соответственно поло-

жение на местах и региональная политика Берлина рассматривались как методичное сползание к контрреволюции, отстранение от власти подлинно революционных сил и установление господства буржуазии в немецких регионах.

Попытки осмысления регионального разреза Ноябрьской революции предпринимались ещё в 1920-е годы. В частности, можно отметить труд видного большевика К. И. Шелавина о событиях 1918—1919 годов, в котором детально описываются события в Киле, Бремене, Гамбурге, Баварии, Саксонии, Вюртемберге и других провинциях [Шелавин, 1929—1930]. Однако данный труд сразу же вызвал разгромные отзывы, поскольку представлял скорее изложение фактологии, нежели концептуальное историческое исследование [Куниский, 1930, с. 109].

К осмыслению процессов советизации историки вновь вернулись в конце 1950-х годов, отталкиваясь от оценки К. Либкнехта, согласно которой установившаяся в ходе Ноябрьской революции власть советов практически во всех регионах являлась лишь фасадом. Однако специальных работ, обобщающих эволюцию советской власти в регионах, опубликовано не было, поэтому данный сюжет обзорно рассматривался в рамках трудов, посвящённых Ноябрьской революции [Драбкин, 1958; Трухнов, 1963] или Новейшей истории Германии [Кульбакин, 1962; Орлова, 1973а]. Оценки деятельности региональных советов практически не вызывали разночтений: прусский совет оказался во власти оппортунистов и даже в своих заявлениях воздерживался от социалистической фразеологии; в Саксонии мероприятия не вышли за рамки буржуазно-демократической революции, а фактическая власть перешла в руки реакционеров; в Вюртемберге социал-демократическое правительство сперва сдерживало революционную инициативу масс и урезало права советов, а позже к власти там и вовсе пришла коалиция с буржуазными партиями; в Бадене одобрялись лишь половинчатые решения, а совет не имел реального контроля над правительством; в Баварии правительство К. Эйслера проводило курс, аналогичный курсу имперского правительства Ф. Шейдемана [Драбкин, 1958, с. 67—75, 111—113; Кульбакин, 1962, с. 73—76, 94—95]. Как более решительные характеризовались советы в Гессен-Дармштадте, Брауншвейге, Бремене, Гамбурге, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, в отдельных городах Тюрингии и Саксонии и посёлках Верхней Силезии, однако они не оказывали решающего воздействия на ход революции во всей Германии [Драбкин, 1958, с. 113; Кульбакин, 1962, с. 95—96; Орлова, 1973а, с. 19—20]. Также советские историки указывали на недостаточную классовую зрелость местных советов [Драбкин, 1958, с. 116], на формальный характер

их контроля, попытки контрреволюции дискредитировать идею советов [Орлова, 1973а, с. 19—20], а порой и вовсе характеризовали советы как органы «бездейственного контроля», «буржуазного порядка» и «спокойствия» [Кульбакин, 1962, с. 93—94].

Гораздо больше внимания уделялось тем местностям, где политическое развитие могло перерасти в советскую власть большевистского образца. Так, в № 11 журнала «Борьба классов» за 1933 год был проанализирован опыт советов Киля, Брауншвейга, Эссена [Цветков, 1933], Гамбурга и Бремена [Ковалева, 1933]. Причины неудач построения диктатуры пролетариата связывались с чинимыми препятствиями со стороны Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), отсутствием революционной партии всегерманского масштаба и поддержки охваченных революцией регионов со стороны других областей, оппортунизмом и нерешительностью местных советов, отсутствием в них подлинно большевистского руководства, сосуществованием старых органов власти, «грузом люксембургизма» [Ковалева, 1933, с. 87—92; Цветков, 1933, с. 95—99]. Лишь в Бременской советской республике признавалось «крепкое коммунистическое руководство» процессами советизации [Ковалева, 1933, с. 91—92]. Более глубокое осмысление опыта Бремена было предпринято в 1950-е годы, когда советская республика в этом городе стала характеризоваться в качестве одного из «самых важных центров» германской революции [Сапожникова, 1957, с. 355—356]. Я. С. Драбкин, положительно оценивая чрезвычайные меры властей Бремена и Куксгафена (вблизи Гамбурга), с сожалением отмечал их свёртывание под давлением банкиров. Падение республики учёный связывал прежде всего с тщательной подготовкой карательных мероприятий из Берлина, но отмечал также «неравномерность движения, отсутствие централизованного руководства, предательство лидеров независимцев» [Драбкин, 1958, с. 234]. Историк К. Д. Петряев также указывал на отсутствие поддержки бременскими коммунистами своих товарищей К. Йёрна и К. Плеттнера, которые могли привести к установлению истинной диктатуры пролетариата [Петряев, 1958, с. 60].

Вновь к истории Бременской советской республики обратились лишь спустя десятилетия. В 1990 году историк А. Артемов опубликовал биографию одного из лидеров республики И. Книфа [Артемов, 1990], а первое крупное исследование Бременской советской республики было предпринято лишь в 2018 году в специальной монографии Н. М. Филатова [Филатов, 2018]. По утверждению автора, опыт Бремена представлял не диктатуру пролетариата, а «третий путь революционных преобразований», который

являлся «европейским прообразом “шведского социализма” на немецкой земле». Историк также отмечает «стремительно менявшуюся структуру законодательной и исполнительной власти», которая сочетала старые и новые органы управления, элементы парламентской и советской демократии. Решающая роль в движении по «третьему пути» принадлежала президенту республики — независимцу А. Генке. Однако даже этот путь встречал сопротивление со стороны правых социал-демократов, левых радикалов и имперского правительства, которое в конечном счёте решило прекратить социалистический эксперимент [Филатов, 2018, с. 137—139].

Наибольший интерес у советских историков вызывал опыт Баварской советской республики, который считался кульминационным пунктом и точкой завершения Ноябрьской революции [К итогам ..., 1958, с. 111]. По многим ключевым оценкам у учёных не имелось принципиальных расхождений. Так, во всех работах отмечалось ускоренное созревание революционного кризиса в Баварии и прохождение двух этапов революционного развития: «мнимой советской» (7—13 апреля 1919 года) и «подлинно советской» (13—27 апреля 1919 года) республик. Положительно оценивая революционные мероприятия «подлинно советской республики», историки указывали на следующие причины её скоротечного падения: численное превосходство вооружённых сил контрреволюции, подчиненность задач руководства хозяйством задачам обороны республики, невозможность выстроить за столь короткие сроки эффективный аппарат управления, блокада Мюнхена и связанные с ней денежные затруднения, предательство со стороны независимцев и анархистов, недооценка роли крестьянства и недифференцированный подход к этой категории граждан, мягкая политика в отношении «врагов революции», недостаточное революционное самосознание баварского пролетариата и организационная слабость баварских коммунистов, изоляция республики от германского и мирового революционного движения, отсутствие поддержки со стороны ЦК КПГ [Гришин, 1925, с. 54—57, 64, 87, 94—99, 112, 117, 141; Драбкин, 1958, с. 318—319, 322, 327—328; Застенкер, 1932, с. 230—235; Застенкер, 1934, с. 147—154; Кульбакин, 1962, с. 134—140; Полтавский, 1959, с. 114—120; Трухнов, 1963, с. 106—113]. Кроме того, историки указывали также на разгул «белого террора» после подавления Баварской советской республики [Гришин, 1925, с. 120; Драбкин, 1958, с. 327; Застенкер, 1934, с. 143—146; Кульбакин, 1962, с. 140—141; Полтавский, 1959, с. 94—101; Трухнов, 1963, с. 113—114]. Различные оценки вызывал лишь вопрос о том, являлось ли руководство баварских коммунистов нерешительным [Застенкер, 1932, с. 215, 222], или же падение республики было связано с не зависящи-

ми от них объективными факторами [Гришин, 1925, с. 99; Драбкин, 1958, с. 315—323; Кульбакин, 1962, с. 139].

В постсоветский период интерес к Баварской советской республике заметно ослаб, а в её оценках стал учитываться и взгляд «справа». Так, историк В. А. Космач отмечал, что причинами краха республики стали авантюризм анархистов и расстрелы заложников, отвратившие население от левых политиков и превратившие Баварию в оплот правых сил (в том числе нацистов) [Космач, 2008, с. 46—47]. Попытку всестороннего рассмотрения истории Баварской советской республики предпринял профессор МГУ А. Ю. Ватлин [Ватлин, 2012; Ватлин, 2013а, Ватлин, 2013б, Ватлин, 2014]. По его мнению, устоявшиеся трактовки зачастую испытывают влияние праворадикальных и леворадикальных штампов и содержат немало мифологем. С одной стороны, это мифологемы о большевистской угрозе, красном терроре, социальных маргиналах, добравшихся до власти в условиях дискредитации традиционных институтов государства и общества; с другой стороны, это мифы о западном бастионе мировой революции, который позже был догматизирован в коммунистическом движении [Ватлин, 2013б, с. 33—38, 43—48]. На взгляд историка, Советская Бавария «стала жертвой внутренних противоречий в революционном лагере и неизбежно сошла бы с исторической авансцены без какого-либо внешнего воздействия», поэтому вмешательство правительственных войск не имело никакого смысла [Ватлин, 2013а, с. 311].

3. Оценка веймарского федерализма

Советские учёные в оценке административно-территориального устройства отталкивались от позиции К. Маркса и Ф. Энгельса, которые ещё в середине XIX века хотели покончить с остатками феодализма и видеть Германию «единой, неделимой республикой», ликвидировать все союзные государства с их резерватными правами и разделить Пруссию на несколько самоуправляющихся провинций. Поэтому априори считались прогрессивными любые унитаристские стремления, в то время как за федеративной идеей видели своего рода плацдарм реакционных сил. Первую серьёзную попытку оценить федеративное устройство Веймарской республики предприняла С. И. Ленчнер. Она утверждала, что веймарский федерализм носил ярко выраженный великопрусский характер, а «дряблая, склонная к сделкам с реакцией веймарская демократия» не смогла осуществить планы расчленения Пруссии, ликвидации прусской гегемонии и создания единой демократической республики [Ленчнер, 1947, с. 48—49]. Это положение, по мнению автора, было обусловлено компромиссом

с юнкерско-буржуазной реакцией, которая благодаря великопрусскому государственному устройству смогла в дальнейшем накопить силы для подготовки фашистского государственного переворота [Там же, с. 49].

Я. С. Драбкин признавал, что веймарская конституция «сделала шаг вперёд в деле унитаризации государственного устройства», однако, несмотря на усиление компетенции центральных органов и ликвидацию резерватных прав, она «ограничилась полумерами», что было связано со стремлением лидеров Ноябрьской революции (прежде всего социал-демократов) защитить свои партикулярные интересы, чем позже и воспользовались враги республики [Драбкин, 1978, с. 321]. Кроме того, федеративная структура, по мнению учёного, позволяла реакции укрепить свои позиции и была удобна для легального включения в состав империи новых территорий, в том числе и Австрии [Там же, с. 312—314]. Вместе с тем Я. С. Драбкин отмечал и конструктивные недостатки веймарского федерализма. К таковым он относил неравноправие земель (доминирование Пруссии), усиление централизации государственной власти и управления, а также недобровольный характер пребывания в составе империи, включая положения об «имперской экзекуции» [Там же, с. 316—319]. Данные утверждения в дальнейшем нашли поддержку и в постсоветской историографии [Баев, 2005, с. 69—70; Васильев, 2000, с. 113].

После распада СССР учёные стали обращаться к другим аспектам веймарского федерализма. Е. Р. Кастель считал административно-территориальное устройство Германии компромиссом между «партикуляристами» и «централистами». Однако в силу доминирования последних в Национальном собрании итоговый вариант конституции получил более унитаристский характер, что выражалось в исключении федералистской терминологии, ликвидации прежнего договорного характера федерации, территориальных переделах, узкой законодательной компетенции земель, законодательном доминировании центра, сохранении института имперской экзекуции и фактически отсутствию бюджетного федерализма [Кастель, 1995, с. 26—28]. Применение или угрозы применения имперской экзекуции (1920, 1923, 1932 годы), по мнению учёного, окончательно подрывали самостоятельность регионов. Однако исследователь делает оговорку, что это было в какой-то степени оправдано, так как оппозиция со стороны земель отражала «центробежные, сепаратистские настроения определенных политических сил» [Там же, с. 28—29]. С похожей оценкой выступает В. А. Космач, рассматривая «разумный федерализм» Веймарской республики как компромисс между унитаристами и федералистами, отвечавший на вызовы сепаратистских движений [Космач, 2008, с. 33—35, 57].

Другая оценка представлена мнением Н. В. Павлова, который фактически отрицает федеративную сущность Веймарской конституции, называя её «фундаментом псевдофедерализма». В качестве аргументов историк приводит понижение прежних государств до статуса земель, значительное урезание их законодательной компетенции и «политическое бессилие земельных правительств за исключением Пруссии» [Павлов, 2007, с. 55—56]. Вместе с тем большинство учёных признаёт реальное существование федеративных форм, однако отмечает не только сохранение, но и усиление унитаристских тенденций по сравнению с кайзеровской империей. Так, И. М. Бусыгина констатирует, что при разработке конституции 1919 года наблюдались более процентрлистские настроения нежели в 1871 году, что отразилось на итоговом тексте основного закона [Бусыгина, 2000, с. 111]. В. Г. Баев указывает на преемственность веймарской конституции с кайзеровской политикой унитаризации, характеризуя отношения центра с регионами как «флюс» и «злокачественную опухоль прусского происхождения». Учёный отмечает, что при сохранении федералистских форм значительно усилилась централизация, которая носила во многом бюрократический характер и ограничивалась полумерами [Баев, 2005, с. 69—70].

Усиление влияния центральной власти по сравнению с кайзеровской эпохой отмечает и В. И. Васильев, характеризуя новую Германию как «унитарное, с федеративным устройством, государство»; однако делает оговорку, что фактический политический вес земель и Рейхсрата, несмотря на ограниченность его полномочий, на практике оказался больше того, что предусматривалось конституцией [Васильев, 2001, с. 109, 111—113]. Схожей позиции придерживается А. О. Целищев. Признавая запутанность разграничения компетенций между центром и землями, которая давала имперским властям возможности «для предельно широкого толкования своей компетенции», исследователь обращает внимание и на то, что после прихода к власти социал-демократов обнаружился разрыв между декларируемой унитарной моделью государства и проведением федерализма в практической деятельности СДПГ [Целищев, 2001, с. 59, 61].

О. Г. Субботин характеризует административно-территориальное устройство Веймарской республики как «бюрократический» и «унитарный» федерализм, пришедший на смену «династическому» и «гегемоническому» федерализму кайзеровского рейха [Субботин, 2015, с. 4]. Веймарская конституция, по его мнению, стала компромиссом, «который в среднесрочной перспективе не устраивал ни одну из сторон» [Там же, с. 18]. Вместе с тем, несмотря на широкую централизацию, землям удалось «сохранить целый ряд принадлежавших им ранее позиций в за-

конодательной, политико-административной, социально-экономической, религиозной и судебной сферах», что подтверждало значимость земель и федеративный характер республики [Субботин, 2002, с. 167]. Основными проблемами веймарского федерализма О. Г. Субботин считает слабость демократических институтов, партикуляристскую политику ведущих земель (прежде всего Пруссии и Баварии); постоянные конфликты центра и земель по вопросам налоговой политики, чрезвычайного законодательства, унификации управленческих структур; отсутствие гарантий территориальной целостности субъектов федерации и слабость бюджетного федерализма, связанную с полным доминированием имперского финансового управления [Субботин, 2015, с. 20—21]. Анализируя финансовую политику центра, О. Г. Субботин приходит к выводу о частичном лишении земель некоторых налоговых доходов. Несмотря на рост земельных квот в подоходном и корпоративном налогах с 1924 года, Берлин произвольно менял налоговые ставки, списывая их на экономический кризис и выплату репараций [Там же, с. 20—22]. Кроме того, по мнению О. Г. Субботина, отношения между центром и регионами характеризовались высокой степенью политизации. Эти конструктивные недостатки и «неспособность правящих элит страны установить баланс центростремительных и центробежных сил», по мнению историка, и стали причинами несостоятельности веймарского федерализма. Поэтому федеративное устройство не только не стало национальной идеей, но и превратилось в «фактор дестабилизации», «инструмент поощрения партикуляризма», источник политического кризиса, что закономерно привело к ликвидации демократических институтов [Там же, с. 7].

Отдельной проблемой веймарского федерализма является вопрос о положении палаты земель. В. И. Васильев отмечает, что ещё в годы Ноябрьской революции Бундесрат оставался единственным имперским органом, сохранившимся с кайзеровской эпохи; а с 19 февраля 1919 года его функции выполнял специальный государственный комитет, который сыграл значительную роль в утверждении именно федеративной модели устройства в условиях, когда почти все политические партии выступали за унитаризм [Васильев, 2000, с. 102—103, 105—107]. Даже несмотря на урезание полномочий верхней палаты в конституции 1919 года, она и далее сохраняла высокий политический вес и стабильный состав [Васильев, 2001, с. 109]. И. В. Лексин также отмечает, что узкие полномочия Рейхсрата не сказывались на его политической роли, так как для преодоления его вето требовалось квалифицированное большинство, которое в условиях раздробленности и нестабильности Рейхстага становилось почти непреодолеваемым [Лексин, 2009, с. 73].

Совершенно противоположного мнения придерживается О. Г. Субботин. Рейхсрат, по мнению историка, несмотря на существенный объём законодательных и административных функций, был значительно урезан в компетенции по сравнению с кайзеровским Бундесратом: к обсуждению проектов этот орган подключался лишь после их внесения правительством или Рейхстагом, законодательная инициатива у него практически отсутствовала, право вето было ограничено, а распорядительных функций Бундесрата (включая право «имперского надзора») верхняя палата Веймарской республики была лишена. Земли представляли чиновники, заседания имели формальный характер и проходили в полузакрытом режиме. Поэтому, подытоживает О. Г. Субботин, представительство земель в этом органе не являлось действенным фактором политического влияния [Субботин, 2018, с. 162—164].

4. Кризис 1923 года и попытки модернизации федеративных отношений во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов

Во время кризиса 1923 года проблема региональной политики приобрела особую актуальность, поскольку политический кризис проявлялся прежде всего в регионах. Кроме того, события 1923 года выявили определённые изъяны в отношениях центра с регионами и актуализировали дискуссию о реформе веймарского федерализма. Советские историки рассматривали события 1923 года как крупнейшие классовые бои со времён Ноябрьской революции. Соответственно внимание к регионам было приковано исключительно с точки зрения развёртывания общенациональных революционных процессов. До событий августа 1923 года центром революционной активности пролетариата и забастовочного движения считалась Рурская область, а с осени 1923 года — Средняя Германия и Гамбург. В трудах Д. С. Давидовича, М. И. Орловой и Г. М. Трухнова была окончательно утверждена концепция Гамбургского восстания как кульминационного пункта революционного подъёма 1923 года [Давидович, 1963, с. 307—308; Орлова, 1973б, с. 381; Трухнов, 1969, с. 233].

В свою очередь руководство в Берлине и региональная элита советскими историками оценивались исключительно в категориях национальной измены или сепаратизма; а региональная политика — как организованная стратегия подавления рабочего движения. Как писал историк А. А. Галкин, события в Германии 1918—1923 годов показали, что «антинациональный сепаратизм и националистический шовинизм — это не антиподы, а две стороны одной и той же медали» [Галкин, 1962, с. 109]. В этой связи неудивительно, что проблемы региональной политики, как правило, не интере-

совали историков. Аналогично можно сказать и про период 1924—1929 годов, который характеризовался как этап «временной, частичной стабилизации капитализма», и про период кризиса 1929—1933 годов. Основное внимание уделялось преимущественно проблемам экономического развития, деятельности политических партий и внешней политики. Дискуссиям о федерализме советские историки не придавали значения. Так, например, А. С. Еруслимский, анализируя распад правящей коалиции, указывал, что его причиной стал спор о статусе религиозных школ в различных регионах. Несмотря на то, что автор признавал данный вопрос конфликтом центра и регионов, видеть в нём принципиальные разногласия он отказывался, утверждая, что «ситуация была вызвана не глубокими политическими противоречиями в стане буржуазии, а тактическими соображениями одной из буржуазных группировок» [Еруслимский, 1964, с. 319—322].

Некое восполнение вышеуказанных пробелов советской историографии было предпринято на постсоветском этапе. Так, В. И. Васильев подчёркивал, что в 1920-е годы отношения между центром и землями претерпели значительные изменения. Это было связано, во-первых, с инициативами Баварии в 1924—1925 годах по поводу имперской реформы, которые активизировали дискуссию об изменении федеративных отношений; во-вторых, с проведением земельной конференции 16—18 февраля 1928 года, итогом которой стало учреждение конституционной комиссии для подготовки федеративной реформы; в-третьих, с обсуждением разработанного ею законопроекта в 1931—1932 годах. Провал попыток модернизации автор связывал, во-первых, с индифферентным отношением парламентских фракций, у которых федерализм ассоциировался с сепаратизмом и подрывом единства страны; во-вторых, с экономическим кризисом, который ослабил интерес к этой проблеме [Васильев, 2000, с. 120—124]. Отдельное внимание В. И. Васильев уделил развитию дискуссии о федерализме в научных кругах (В. Хаузенштейн, К. Бейерле, К. Бильфингер, Г. Аншютц), в среде политических партий (Партия Центра, Баварская народная партия) и среди представителей отдельных земель (Бавария, Нижняя Саксония, Саксония) [Там же, с. 114—119; Васильев, 2001, с. 115—124].

О. Г. Субботин говорит о том, что дискуссии между сторонниками унитаризации и приверженцами децентрализации веймарского федерализма продолжались все 1920-е годы. Первые были представлены высшей бюрократией и имперскими финансово-промышленными объединениями, в то время как от лица вторых выступала земельная политическая элита и региональные торгово-промышленные круги [Субботин, 2017, с. 22—23]. В трудах О. Г. Субботина впервые события 1923 года рассматриваются как

апогей кризиса федерализма, угрожавшего «коллапсом властных структур Германии» и способного перерасти даже в гражданскую войну. Данный кризис историк связывает с сопротивлением темпам и характеру централизации со стороны региональной бюрократии [Субботин, 2015, с. 20—23]. Земли использовали имеющиеся начала государственности как инструмент оппозиционной борьбы, а центр для их подчинения — финансовые рычаги и чрезвычайное право, что шло в ущерб эффективности государственного механизма [Там же, с. 25—26].

Попытки модернизации федеративных отношений во второй половине 1920-х годов историк оценивает более пессимистично, нежели В. И. Васильев. Так, несмотря на сближение позиций «унитаристов» и «федералистов» на Конференции немецких земель 1928—1930 годов, её итоги были провальными: парламентские партии и правительство проявили индифферентное отношение к реформе, обструкция Баварии и Пруссии сужала пространство диалога, политическая воля к легитимации реформы в условиях кризиса отсутствовала [Субботин, 2017, с. 24—26]. Более того, по мнению О. Г. Субботина, в период политической и экономической стабилизации в Германии наблюдался рост унитарных настроений, поэтому ортодоксальные федералисты вынуждены были встать на защиту конституции. Влияние земель заметно ослабло, а рейх вышел за границы отведенных ему полномочий в сфере налогообложения, частично кодифицировал церковное, школьное и административное право [Субботин, 2015, с. 21]. При этом О. Г. Субботин отмечает развитие феномена «партийного федерализма» (расхождение политических взглядов внутри партий в центре и на местах). Подобное же положение, по его мнению, наблюдалось также в кругах высшей бюрократии и научной среды. В связи с этим по инициативе регионов предпринимались попытки усовершенствовать федерализм, однако в условиях экономического кризиса и зачастую непреодолимых разногласий между участниками реализовать эту идею не удалось [Там же, с. 6].

5. Имперская экзекуция 1923 года в Средней Германии

Одним из проявлений кризиса федерализма в 1923 году была имперская экзекуция в Тюрингии и Саксонии, закончившаяся назначением имперского комиссара и изгнанием коммунистов из правительств этих земель. К тому моменту это было уже не первое вооружённое вмешательство центра в Средней Германии. Так, ещё в 1921 году в регионе происходили так называемые Мартовские бои, которые вспыхнули после успешного выступления коммунистов на выборах в саксонский ландтаг. Подавление рабочих выступлений советские историки связывали с неучастием «право-

опportunистического» руководства компартии в активных выступлениях, безрассудной деятельностью «левых сектантов» [Давидович, 1963, с. 40], игнорированием тактики единого фронта, ошибочной «теорией наступления» [Кульбакин, 1962, с. 173], «растерянностью» местной компартии и неумением её лидеров «правильно ориентироваться в обстановке» [Орлова, 1973б, с. 47—48].

Событиям 1923 года советские историки придавали еще больше значения: участие компартии в саксонском и тюрингском правительствах создавало возможности использовать это как трамплин для всегерманского вооружённого восстания [Давидович, 1963, с. 134]. Г. М. Трухнов отмечал, что области Средней Германии ещё до Первой мировой войны были «красной крепостью» с традиционно сильными революционными настроениями [Трухнов, 1969, с. 206], а М. И. Орлова считала создание левых правительств важным этапом в формировании единого пролетарского фронта [Орлова, 1973б, с. 327, 410]. Вместе с тем деятельность красных правительств характеризовалась как непоследовательная «политика зигзагов», направленная на сохранение конституции и республики [Орлова, 1973б, с. 333; Трухнов, 1969, с. 211—212]. Соблюдение веймарской конституции расценивалось советскими историками не как достижение, а как тактический просчёт, сковывавший маневры для распространения социалистической революции. В итоге коммунисты стали «игрушкой в опытных к измене руках левых социал-демократов» [Трухнов, 1969, с. 217] и придерживались «хвостистой тактики», идя на поводу у левых социал-демократов [Давидович, 1963, с. 144—145], превратив тем самым работу в красных правительствах в «заурядную парламентскую комедию» [Орлова, 1973б, с. 415]. Соответственно причиной успешности имперской экзекуции советские историки считали не только действия имперских властей, сопротивление буржуазии и экономическую блокаду со стороны Баварии и Пруссии, но и нерешительность руководства КПГ во главе с Г. Брандлером, которое вместо подготовки всегерманского вооружённого восстания ограничилось парламентской деятельностью. Применение имперской экзекуции в свою очередь рассматривалось не в контексте федеративных отношений, а с точки зрения подавления рабочего и коммунистического движения силами реакции.

В постсоветский период учёные стали рассматривать события в Тюрингии и Саксонии не с позиции провала подготовки общегерманского восстания, а в контексте проблемы правомерности имперской экзекуции. Так, В. И. Васильев расценивает вмешательство имперского центра как серьёзный шаг на пути к постепенной ликвидации самостоятельности реги-

онов и, в частности, к государственному перевороту в Пруссии 1932 года. По мнению В. И. Васильева, тогда были апробированы авторитарные методы подавления инакомыслия и «разрушения хрупких структур государства на федералистской основе» [Васильев, 2000, с. 128]. Л. И. Гинцберг союзную экзекуцию связывает с бурной антифашистской деятельностью в Тюрингии и Саксонии, которая являлась одной из целей левых правительств. Именно в этих регионах развернулся активный процесс создания пролетарских сотен, которые были главной сдерживающей силой фашистского движения, имевшего значительное влияние на правительство соседней Баварии [Гинцберг, 2004, с. 86—87]. О. Г. Субботин отмечает, что существование на территории Тюрингии и Саксонии военизированных организаций в виде пролетарских сотен являлось прямым нарушением Версальского договора и потому действия Берлина юридически были правомерны. Вместе с тем, анализируя имперскую экзекуцию, исследователь указывает на довольно узкие полномочия земель для защиты от неправомерного использования этого института и нечёткость законодательства в отношении случаев его применения. В итоге земли были слабо защищены от произвола имперских властей, которые всё чаще задействовали силу в политических целях [Субботин, 2004б, с. 173—176].

6. Орднунгсцелле и политика БНП в Баварии

Среди всех германских земель Бавария представляет классический образец партикуляристской политики с традиционно сложными отношениями с имперским руководством. После подавления Баварской советской республики это стало проявляться особенно отчетливо: доминирующее положение заняла ультрафедералистская Баварская народная партия (БНП), а руководство оказывало открытое покровительство антиреспубликански настроенным крайне правым силам, которые провозгласили Баварию «ячейкой порядка» (нем. *Ordnungszelle*). Под Орднунгсцелле также понимается политический режим в Баварии 1919—1924 годов, апогеем которого стали объявление чрезвычайного положения и Пивной путч (осень 1923 года).

Советские историки традиционно связывали Баварию после подавления советской республики с разгулом реакции и обращались к этому региону в связи с событиями 1923 года. Часть историков ассоциировала Баварию с сепаратистским движением. К таковым, можно отнести В. Д. Кульбакина, который связывал баварский сепаратизм даже с БНП и лично с Г. фон Каром [Кульбакин, 1962, с. 208]. Историк А. С. Бланк считал Баварию «основным центром реакционных сил», где поддержкой рейхсвера

и промышленников пользовались «контрреволюционные, милитаристские и националистические организации» [Бланк, 1978, с. 44]. Баварское правительство, по мнению ученого, «состоявшее из реакционеров-сепаратистов, стремилось ликвидировать парламентский строй и восстановить монархию». Именно ненависть к демократии объединяла Кара с Гитлером, потому баварские власти (особенно полиция) и поддерживали Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (далее — НСДАП) [Там же, с. 70—71].

Иной позиции придерживался пермский историк П. Ю. Рахшмир. По его мнению, «баварцы выступали застрельщиками в борьбе правых сил против имперского правительства» и основной целью введения чрезвычайного положения 26 сентября 1923 года было не отделение от Германии, а, напротив, создание трамплина для броска на Берлин и подавление революционных правительств в соседней Тюрингии и Саксонии. Для этого правящий триумвират привлек на свою сторону все боевые организации, включая нацистских штурмовиков, и установил контакты с берлинским генералитетом. Противоречия с НСДАП П. Ю. Рахшмир связывал лишь с честолюбием лидеров [Рахшмир, 1981, с. 134—135]. О планах баварских властей организовать поход и покончить с правлением левых в Берлине говорит и Л. И. Гинцберг, утверждая, что баварские военные имели детальные планы захвата объектов столицы и даже согласовывали с берлинским генералитетом планы устранения социал-демократов [Гинцберг, 2004, с. 121, 124—125, 132, 140]. Историк отмечал, что баварские власти игнорировали решение Имперского суда от 15 марта 1923 года о запрете НСДАП, не подвергли Гитлера наказанию за попытку вооружённого побища 1 мая 1923 года, оказывали ему прямую протекцию, не препятствовали поддержке нацистов со стороны крупного капитала и начали стягивать вооруженные формирования (включая фашистские) к границам Тюрингии и Саксонии для подавления там красных правительств [Там же, с. 96, 105—106, 121, 127—129].

Ряд советских историков и вовсе не видели противоречий между сепаратизмом и планами похода на Берлин. Так, Г. М. Трухнов отмечал, что с 1922 года в Баварии расширилось сепаратистское движение, поддерживаемое монархическими кругами, которые стремились «путем пропаганды федерализма расчленить Германию» и были связаны с рейнскими сепаратистами. В свою очередь режим Г. фон Кара преследовал цель восстановить монархию и одновременно в союзе с Гитлером подготовить поход на Берлин [Трухнов, 1969, с. 165]. М. И. Орлова утверждает, что баварский национализм имел «традиционно-сепаратистскую форму», это было вы-

звано стремлением баварской реакции избежать последствий поражения Германии и «предотвратить революционный вихрь» [Орлова, 1973б, с. 76]. При этом исследовательница признает размежевание правящих кругов на «крайне партикуляристские элементы» (монархические группировки вокруг кронпринца Рупрехта, окружение Г. фон Кара, католическое крестьянское движение во главе с Г. Хеймом) и умеренно националистическую группировку вокруг премьер-министра Баварии О. фон Книллинга и лидера БНП Г. Хельда. Однако принципиальной разницы между этими политическими силами М. И. Орлова не видела, поскольку обе стремились избавить Германию от марксизма и «предназначали Баварии роль общегерманского жандарма» [Там же].

В постсоветский период ученые стали воздерживаться от всех выше обозначенных крайних оценок. Так, В. И. Васильев стал первым исследователем, который практически совсем не обращался к событиям осени 1923 года, а концентрировал свое внимание на усилиях Баварии по реформированию веймарского федерализма. Начиная с 1924 года, по мнению учёного, Бавария отличалась наибольшей активностью в этом направлении, призывая вернуться к основным федеративным компонентам кайзеровского федерализма (наделить Рейхсрат полномочиями кайзеровского Бундесрата, восстановить резерватные права, реформировать схему финансовых отношений). Однако шлейф Пивного путча и партикуляристских устремлений первоначально препятствовал серьёзному рассмотрению инициатив баварских властей [Васильев, 2000, с. 113—114, 119—120]. В 1925 году глава баварского правительства Г. Хельд на встрече с рейхсканцлером Х. Лютером смог инициировать общеимперскую дискуссию по федеративной реформе, в ходе которой Бавария выступала последовательной сторонницей углубления федеративных начал и устранения доминирования Пруссии [Там же, с. 120—121]. Кроме того, В. И. Васильев первым указал на активную позицию Баварии во время государственного переворота в Пруссии 1932 года, которая отрицалась советскими историками. Автор убедительно показал, что Бавария не только поддержала законное прусское правительство, но и от лица правящей БНП во главе с Ф. Шеффером выступила за конституционную реформу [Там же, с. 124—126].

Историк М. В. Кирчанов обратился к исторической мысли и интеллектуальной жизни Баварии и пришёл к выводу о широком культивировании идеи, согласно которой регион являлся отдельным и самостоятельным элементом истории Германии и развивался вне общегерманского контекста [Кирчанов, 2006, с. 214—215]. В качестве образцов для подражания воспевались не общегерманские деятели, а местные исторические личности

в лице, как правило, баварских королей (Людвиг I Баварский, Максимилиан II) либо крупных баварских государственных деятелей [Там же, с. 216].

О. Г. Субботин подчеркивает, что под руководством БНП Бавария систематически добивалась пересмотра Веймарской конституции, по крайней мере, в сторону восстановления утраченных привилегий. В начале 1920-х годов в регионе были сильны антиреспубликанские, антидемократические и антицентралистские настроения, а земельное руководство, проводя «партикуляристский курс государственно-абсолютистского бюрократизма», не соблюдало чрезвычайных президентских декретов Берлина. Все это и привело к серии конфликтов с центром в 1921—1923 годах и едва не вылилось в гражданскую войну [Субботин, 2015, с. 5, 23]. Однако в 1923 году тактика «открытого противостояния и силового нажима по отношению к рейху» исчерпала себя, после чего основной акцент в отношениях с Берлином Бавария стала делать на реформе федеративных отношений [Субботин, 2004а, с. 28—29]. О. Г. Субботин также анализирует основные предложения Баварии по реформированию федеративных отношений и делает вывод, что если в 1924 году регион отвергал Веймарскую конституцию, требуя ее комплексного пересмотра «в духе Бисмарка», то во второй половине 1920-х годов земельное руководство стремилось «стабилизировать унитарный федерализм и отстоять принадлежавшие землям полномочия» [Субботин, 2012а, с. 66—67]. Также историк возлагает политическую ответственность на БНП за «гипертрофию государственной власти» и в конечном счете ликвидацию федеративных отношений. По мнению автора, партийное руководство ставило региональные интересы выше национальных, «излишне политизируя двусторонние отношения и тем самым компрометируя федерализм». К тому же антиреспубликанские и антипрусские политические установки препятствовали стабилизации федеративных отношений [Там же, с. 66—67, 69].

7. Рейнский и пфальцский национализм

С начала Ноябрьской революции у имперского центра возникли непростые отношения не только с Баварией, но и с регионами Рейнской области, где во многом при поддержке Франции активизировалось националистическое движение. В советское время оно фигурировало в работах исключительно как «рейнский сепаратизм». Первое специальное исследование этого движения провел известный историк А. А. Галкин. Он связывал активизацию рейнского сепаратизма с попыткой противодействовать революционному подъёму 1918—1919 годов и создать базу «для консолидации сил германского империализма и милитаризма <...> с которой можно было

бы впоследствии начать походы для отвоения потерянных позиций». Рейнский сепаратизм ученым не просто описывался в категориях национальной измены, но и оценивался как «образ немецкой Вандеи» [Галкин, 1962, с. 12, 19, 108—109].

По мнению Н. В. Фарбмана, Д. С. Давидовича и М. И. Орловой за рейнским сепаратистским движением в 1923 году стояла не только Франция, но и рурские промышленники, которые пытались отторгнуть рейнско-вестфальские области под французский протекторат и тем самым подавить рабочее движение [Давидович, 1963, с. 58—59, 117—118, 127; Орлова, 1973б, с. 77; Фарбман, 1955, с. 27]. Н. В. Фарбман указывал, что уже в ноябре 1923 года к рейнскому сепаратизму охладели и французские власти, которым выгоднее было напрямую взаимодействовать с рурскими магнатами, нежели поддержкой сепаратизма провоцировать национально-освободительную борьбу. При этом неудачи сепаратистского движения, как и у других советских историков, связывались с активностью компартии и рурского пролетариата [Фарбман, 1955, с. 37, 39—41]. Схожую оценку давал и В. Д. Кульбакин, отмечая также, что идейным вдохновителем рейнского сепаратизма являлись не только лидеры Партии Центра и стоящие за ними финансово-промышленные магнаты, но и даже правые социал-демократы, которые вошли в состав сепаратистских организаций [Кульбакин, 1962, с. 101]. Историк также подчеркивал, что к рейнскому сепаратизму сочувственно относилась буржуазия всей Германии и даже берлинские власти, несмотря на внешне демонстрируемое осуждение [Там же, с. 102].

В постсоветской историографии обращение к проблеме рейнского национализма производится лишь в трудах О. Г. Субботина. Он прослеживает эволюцию движения от защиты легальной государственной автономии до окончательного перехода инициативы к радикалам в 1923—1924 годах, после чего движение пошло на спад. Причинами этого спада историк считает отсутствие массовой социальной базы, экономическую стабилизацию, вывод французских войск, противодействие сепаратизму со стороны Великобритании, прекращение поддержки со стороны Франции, отказ партии Центра от нелегальных методов борьбы и формирование широкой правительственной коалиции правых сил [Субботин, 2007б, с. 115—116; Субботин, 2015, с. 5—6, 23—24].

Отдельно О. Г. Субботин останавливается на сепаратистском движении баварского Пфальца. По мнению историка, при поддержке Франции движение за самостоятельность этого региона в 1919 году постепенно приобретает сепаратистскую направленность. Значительную роль в пфальцском сепаратизме играли крестьянские союзы, влияние которых было в регионе

не меньше, чем политических партий [Субботин, 2007а, с. 4]. Новым этапом сепаратизма в Пфальце стали события октября 1923 года, вылившиеся в открытый вооруженный мятеж Й. Гейнца, который провозгласил вхождение в «федеративный союз Рейнской республики». Популярность сепаратизма в регионе О. Г. Субботин увязывает не только с трудным экономическим положением, но и желанием местного населения «поставить барьер на пути распространения правого экстремизма баварских властей и большевистской опасности». Однако в условиях отсутствия широкой социальной базы и четкой политической программы единственной опорой пфальцских сепаратистов оставались французские оккупационные власти, что дискредитировало движение в глазах местного населения [Там же, с. 5, 8].

8. Положение Пруссии и прусско-германский дуализм

Несмотря на то, что Пруссия полностью доминировала над остальными германскими регионами, составляя 62 % площади территории и 61 % населения страны, положение этой земли вызывало мало интереса у исследователей. Единственный сюжет в развитии Пруссии, который историки не могли обходить стороной, был связан с событиями 20 июля 1932 года, когда центр, задействовав институт имперской экзекуции, отстранил прусское правительство социал-демократа О. Брауна и назначил главу имперского правительства Ф. фон Папена имперским комиссаром в этой земле. Долгое время представление о развитии региона было довольно искаженным. Так, публицист Г. С. Минский характеризовал Пруссию как «цитадель социал-фашизма», а прусское правительство — как идущее «вперед всех других провинциальных правительств и самого общегерманского правительства» в деле угнетения трудящихся и открывшее путь фашистской диктатуре [Минский, 1933, с. 39, 42, 53]. Основным смысл переворота 1932 года Г. С. Минский видел в борьбе против компартии и революционных организаций, а также ликвидации «последних остатков буржуазной демократии» [Там же, с. 67]. С. И. Ленчнер считала прусский вопрос «одним из препятствий на пути к подлинной демократизации германского государства», за которым «укрылись силы юнкерско-буржуазной реакции, подготовившие фашистский переворот» [Ленчнер, 1947, с. 39].

С несколько более взвешенными оценками выступал А. С. Ерусалимский. Он подчеркивал, что в сохранении Пруссии были заинтересованы не только прусские реакционеры (единая Пруссия воплощала остатки имперских и антиреспубликанских начал), но и южногерманские партикуляристы (за счет ослабленной Пруссии могли укрепиться другие земли), и социал-демократы, стоявшие на защите интересов господствующих

классов [Ерусалимский, 1964, с. 488—489]. Признавая, что по сравнению с кайзеровскими временами Пруссия сделала большой шаг в сторону демократизации, историк указывал, что ее правительство продолжало подавлять рабочее движение и не затронуло экономических интересов юнкеров и магнатов, которые «продолжали культивировать прусские традиции и в армии, и в политике, и в области социальных отношений» [Там же]. Данные рассуждения развивались также в работах В. П. Садикова [Садиков, 1974] и Н. П. Шелудченко [Шелудченко, 1977].

Л. И. Гинцберг обращался к событиям 20 июля 1932 года, расценивая их как «реакционный переворот» и сговор лидеров НСДАП и имперского правительства. Первые рассчитывали тем самым ослабить влияние коммунистов в Пруссии и усилить террор в отношении политических противников, вторые стремились занять командные посты и прошупать силы рабочего класса [Гинцберг, 1972, с. 294, 308]. Основную ответственность за успех переворота историк возлагает на руководство СДПГ, которое отказалось от активных действий [Гинцберг, 1967, с. 74—80]. Схожего мнения придерживался и В. Д. Кульбакин, подчеркивая не только приход к власти открыто реакционного правительства, но и капитулянтскую позицию со стороны правящей в Пруссии веймарской коалиции [Кульбакин, 1978, с. 245—246], а также ее нежелание сформировать единый антифашистский фронт [Кульбакин, 1974, с. 200]. По мнению историка, переворот преследовал задачи разрушить веймарскую коалицию, «потрясти все социал-демократическое здание» (партию, профсоюзы, массовые организации), «подготовить установление открытой диктатуры монополистической буржуазии» [Кульбакин, 1978, с. 242—243] и установить контроль над преданными социал-демократам полицейским частям Пруссии, которые «по численности и вооружению являлись единственной силой, способной противостоять рейхсверу» [Кульбакин, 1974, с. 196].

В постсоветский период исследователи стали обращаться к иным аспектам исторического развития Пруссии. Так, В. И. Васильев писал о республиканской Пруссии как «бастионе нового Веймарского государства», не имеющем почти ничего общего с традиционными для региона монархическо-милитаристскими и авторитарно-государственными ценностями. По мнению ученого, Пруссии удалось быстрее всех стабилизировать процесс парламентско-демократического развития и одновременно достигнуть равновесия политических сил. Так, за 1919—1932 годы «избирались и работали 4 состава прусского ландтага», в то время как все 7 рейхстагов были распущены. При этом Пруссия вынуждена была противостоять трем важнейшим угрозам: сторонникам старых прусских порядков, левым

радикалам и имперским властям, с коими складывались достаточно напряженные отношения [Васильев, 2000, с. 110—111]. Апогеем конфликта с имперским центром стал переворот 20 июля 1932 года, основной целью которого В. И. Васильев считает не только нейтрализацию правительства О. Брауна, но и устранение СДПГ из веймарской правительственной системы [Там же, с. 126]. Ученый также поддерживает тех зарубежных исследователей, которые считают эти события самым крупным конституционным кризисом в истории Веймарской республики [Васильев, 2001, с. 125—126]. Историк С. П. Кизенков подчеркивает роль НСДАП в организации переворота 1932 года и ее последовательно деструктивную деятельность в развитии прусского парламентаризма [Кизенков, 2009, с. 13].

На фигуре П. Хирша — первого премьер-министра Пруссии после Ноябрьской революции — останавливается историк М. В. Стрелец. Исследователь подчеркивает, что правительство П. Хирша дистанцировалось от проведения подлинно социалистических мероприятий (в частности, политики социализации в высокоиндустриальных центрах) и сосредоточилось в первую очередь на формировании политической демократии [Стрелец, 2017, с. 30—31]. Главными вызовами для прусского правительства, по мнению М. В. Стрельца, являлись последствия Версальского договора, перспективы расчленения Пруссии, сепаратизм на окраинах этой земли и борьба с монархическим наследием [Там же, с. 34—35]. Историк утверждает, что именно П. Хирш заложил основы устойчивого демократического развития Пруссии, которых впоследствии придерживался его преемник О. Браун [Там же, с. 36].

О. Г. Субботин рассматривает Пруссию в качестве основного регионального противовеса имперскому центру, оперируя понятием «германо-прусский дуализм». Будучи организационно обособленным от имперского центра, прусское правительство имело с ним неустойчивые отношения, при этом располагало высоким политическим и экономическим влиянием, поэтому негативные последствия германо-прусского дуализма становились все более очевидными [Субботин, 2015, с. 22—23]. К тому же гегемоническое положение Пруссии создавало трудности в управлении всей республикой и препятствовало модернизации ее политической и административно-территориальной системы [Там же; Субоцін, 2012б, с. 54—55, 58]. О. Г. Субботин указывает, что в условиях кризиса центральное руководство старалось придерживаться силовых методов решения административно-территориальных проблем, апогеем которых стал государственный переворот 1932 года. Таким образом был преодолен «прусско-германский дуализм», и положено начало полной дискредитации и ликвидации феде-

рализма. Тем самым еще до прихода к власти НСДАП определяющей стала «формально выраженная воля центра», которая «лишала субъекты государственного “иммунитета”» [Субботин, 2015, с. 7; Субоцин, 2007, 46-49].

Определенный интерес был проявлен также и к изучению положения Восточной Пруссии, которая в советской историографии упоминалась лишь фрагментарно в контексте милитаризации провинции [Виноградов, 2003, с. 8]. Калининградские историки Г. В. Кретинин и В. В. Сергеев отмечали тяжелое экономическое положение региона и территориальные притязания соседней Польши, которые создавали постоянную политическую напряженность. Для ее снижения ряд восточнопрусских лидеров вынашивали идеи конфедерации с Польшей, которые не радовали Берлин [Восточная Пруссия ..., 2017, с. 388—389]. С целью нейтрализации подобных притязаний центральное руководство учредило специальную службу по делам региона («Восточнопруская служба при имперском и государственном министерстве») и вынуждено было усилить экономическую поддержку региона. Эта политика принесла определенные положительные хозяйственные сдвиги, но не смогла «коренным образом повлиять на оздоровление деловой жизни провинции» [Там же, с. 389—390, 395].

Историк В. М. Виноградов указывает на широкую популярность радикальных настроений в Восточной Пруссии и «тенденции к размыванию центра и поляризации политических сил», наметившиеся с 1924 года [Виноградов, 2008, с. 105]. Это было связано, по мнению исследователя, не только с условиями Версальского договора, превратившими данный регион в анклав, но и с экономической отсталостью, малочисленностью пролетариата и преобладанием сельского населения с устойчиво консервативными взглядами, опасностью со стороны Польши и Литвы вкупе с дискриминационным положением немцев в этих государствах. Население ощущало потребность в сильной власти, а установление нацистского господства в регионе произошло спокойнее, нежели в других частях Германии. Кроме того, автор обращает внимание на то, что экономическое положение провинции в условиях политической изоляции со стороны Польши и Литвы, экономическое благополучие определялись торговыми отношениями с советским государством, поэтому именно Восточная Пруссия имела наиболее глубокие связи с СССР [Виноградов, 2003, с. 165—167]. Проблеме положения поляков в Восточной Пруссии посвящена диссертация Н. А. Строгановой. Она обращает внимание на то, что в ходе референдума в южной части Восточной Пруссии поляки проголосовали не в пользу своей исторической родины, предпочтя немецкое гражданство. Проживание в соседней Польше немецкого населения вынуждало немецкие власти воз-

держиваться от репрессивной политики в отношении поляков. И потому польское меньшинство имело возможность проявлять свою национальную идентичность через польские школы, газеты, библиотеки, клубы, самодеятельные кружки. Все это было прервано после 1933 года, когда нацистское руководство стало проводить насильственную германизацию [Строганова, 2004, с. 199—203].

9. Унификация земель

Поскольку сам веймарский федерализм в советское время не вызывал широкого научного интереса, то и его ликвидация находилась вне поля зрения ученых, которые в качестве основной линии противостояния видели борьбу КПГ и НСДАП. Вместе с тем уже тогда высказывались суждения о том, что уничтожение самостоятельности земель произошло еще до прихода Гитлера к власти и было связано в первую очередь с переворотом в Пруссии 1932 года.

В постсоветский период историки попытались осмыслить процессы ликвидации самостоятельности земель. Так, Е. Р. Кастель связывал их с законами о реорганизации империи весны 1933 года, которые окончательно подорвали федеративное устройство, но сохраняли дуализм между империей и землями. Этот дуализм в свою очередь был окончательно уничтожен в начале 1934 года путем ликвидации ландтагов и Рейхсрата [Кастель, 1995, с. 29—30]. В. И. Васильев обратил внимание на то, что в миропонимании А. Гитлера ликвидация федерализма и уничтожение партийной системы были взаимосвязаны. Однако ответственность за упразднение самостоятельности регионов автор возлагал не только на нацистское руководство, но и на Рейхсрат, который в течение 1933 года послушно одобрял проводимую политику централизации [Васильев, 2000, с. 130—131].

Первое серьезное обращение к политике унификации земель предпринял профессор СПбГУ О. Ю. Пленков. По его мнению, после рейхстага вторым важным препятствием на пути утверждения нацистской диктатуры были именно правительства земель. Однако на тот момент они были слабы в силу отсутствия большинства в ландтагах, чем и воспользовались нацисты, организуя зачастую внепарламентское давление [Пленков, 2004, с. 85, 88]. О. Ю. Пленков подчеркивает, что унификация земель современниками воспринималась как преодоление старого немецкого партикуляризма и разобщенности, а также враждебности немцев разных регионов [Там же, с. 86]. Мотором унификации ученый считает штурмовиков, поскольку для НСДАП было важно утвердить на местах «старых бойцов», закрепить по-

беду нацистского движения и расширить предпосылки для строительства Третьего Рейха [Там же, с. 89, 94].

О. Г. Субботин прослеживает ликвидацию веймарского федерализма еще с кабинета Г. Брюнинга и государственного переворота в Пруссии 1932 года [Субботин, 2015, с. 27—28], считая нацистскую политику их логичным завершением. Автор отмечает, что, несмотря на отрицание федеративной идеи и любой самостоятельности земель, у НСДАП отсутствовал первоначально внятный политический план действий по административно-территориальному преобразованию империи [Субботин, 2008, с. 17—19]. Первые мероприятия отличались дилетантизмом, фрагментарностью и постоянной импровизацией, поскольку успех Гитлера зависел от готовности местных элит поддержать его курс [Там же, с. 19—20]. Саму политику унификации исследователь определяет как «коммунализацию» земель, то есть их деградацию до уровня коммунального управления. При этом О. Г. Субботин отмечает, что те же партийные гауляйтеры нередко противодействовали унитарным тенденциям, поэтому рейх развивался в «форму законного централизма и практического партикуляризма» [Там же, с. 20].

10. Заключение

Как советская, так и постсоветская историография были сосредоточены преимущественно на наиболее острых проблемах региональной политики, имевших общегерманское значение и приводивших в конечном счете либо к тяжелым политическим кризисам, либо и вовсе к ликвидации основ федерализма. При этом в оценках этих проблем практически отсутствует преемственность между советскими историками и учеными постсоветской эпохи. Труды, специально посвященные веймарскому федерализму или отдельным аспектам региональной политики, довольно немногочисленны, однако вопросы региональной политики поднимались и в рамках исследования других сюжетов истории Веймарской республики (становление революционного борбьы, деятельность компартии, развитие фашистского движения, биографии лидеров Веймарской республики, партийно-политическая борбьа, конституционное развитие). Накопившийся более чем за век исследовательский материал позволяет выделить региональную политику в качестве самостоятельного направления в постсоветской веймаристике. Основными исследовательскими проблемами стали вопросы о вариативности советизации регионов в годы Ноябрьской революции, сущности веймарского федерализма и путях его трансформации, политическом значении Рейхсрата, трудностях германо-прусского дуализма, характере режима Орднунгсцелле в Баварии, имперской экзекуции в Средней Гер-

мании 1923 года и в Пруссии 1932 года, природе рейнского национализма, содержании политики унификации земель. Сквозной проблемой является соотношение конституционного регулирования федеративных отношений и их практического воплощения: ученые признают усиление полномочий центральной власти в веймарской конституции, однако мнения относительно фактического осуществления централистской политики, равно как и ее эффективности, разделяются.

Вместе с тем, несмотря на широкий охват региональных проблем Веймарской Германии, необходимо отметить зачастую обзорный характер их представления. Как и в исследовании региональной политики последующих этапов истории Германии [Попов, 2019а, с. 48; Попов, 2019б, с. 363], постсоветская историография характеризуется также эпизодичностью и фрагментарностью обращений к положению регионов. Особняком стоят исторические труды О. Г. Субботина, в которых впервые был дан комплексный анализ трансформации веймарского федерализма. Однако даже в его работах ряд вопросов нуждается в углублении дальнейших исследований. К таковым можно отнести проблемы финансовых отношений центра и регионов, феномен «партийного федерализма», деятельность региональных блоков. Кроме того, региональная политика не ограничивается лишь проблемами федеративных отношений. Исследователи по-прежнему серьезно не обращались к региональному раскладу, политическому влиянию и специфике иных земель, кроме Баварии и Пруссии. Много белых пятен наблюдается и в изучении процессов советизации провинций в годы Ноябрьской революции, и, по справедливому утверждению Н. М. Филатова, «отечественные историки по мере удаления событий в прошлое региональным сюжетам революции 1918—1919 годов в Германии отводили внимания все меньше и меньше» [Филатов, 2013, с. 131]. Малоисследованными также являются дискуссии об административном переустройстве и выдвигавшиеся проекты федераций / конфедераций с территориями соседних государств. Дальнейшее изучение выше обозначенных пробелов может составить перспективные направления исторических исследований.

Литература

1. *Артемьев В. А.* Иоганн Книф / В. А. Артемьев. — Москва : Мысль, 1990. — 174 с.
2. *Баев В. Г.* Веймарская Конституция Германии : узловые проблемы германской государственности 1919—1933 гг. / В. Г. Баев // Конституционное и муниципальное право. — 2006. — № 5. — С. 43—48.
3. *Баев В. Г.* «Унитарный» федерализм Веймарской Германии / В. Г. Баев // Современное право. — 2005. — № 1. — С. 69—70.

4. Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы / А. С. Бланк. — Москва : Мысль, 1978. — 208 с.
5. Бусыгина И. М. Германский федерализм : история, современное состояние, потенциал реформирования / И. М. Бусыгина // Полис. Политические исследования. — 2000. — № 5. — С. 110—120.
6. Васильев В. И. Германский федерализм : проблемы развития / В. И. Васильев. — Москва : Компания Спутник +, 2000. — 407 с.
7. Васильев В. И. Современный германский федерализм : политические реалии и проблемы развития : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02 / В. И. Васильев. — Москва, 2001. — 462 с.
8. Ватлин А. Ю. Революционная повседневность : будни Советской Баварии в апреле 1919 года / А. Ю. Ватлин // Исторический журнал : научные исследования. — 2013а. — № 3. — С. 302—311.
9. Ватлин А. Ю. Советская Республика в Баварии : история политических мифов / А. Ю. Ватлин // Новая и новейшая история. — 2013б. — № 4. — С. 32—49.
10. Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. Историческая драма 1919 г. В шести главах, пяти картинах и двадцати документах / А. Ю. Ватлин. — Москва : Новый хронограф, 2014. — 464 с.
11. Ватлин А. Ю. Штарнбергская коммуна : неизвестный эпизод из истории Баварской советской республики 1919 года / А. Ю. Ватлин // Новая и новейшая история. — 2012. — № 2. — С. 139—157.
12. Виноградов М. В. Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918—1939 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / М. В. Виноградов. — Санкт-Петербург, 2003. — 208 с.
13. Виноградов М. В. Радикализация политических сил Восточной Пруссии в 1921—1932 гг. / М. В. Виноградов // Калининградские архивы. — 2008. — № 8. — С. 103—110.
14. Восточная Пруссия : с древнейших времён до конца Второй мировой войны / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, М. А. Клемешева и др. ; гл. ред. В. С. Исупов. — Калининград : Калининградское книжное издательство, 1996. — 538 с.
15. Галактионов Ю. В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы — первая половина 1990-х годов) / Ю. В. Галактионов. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. — 280 с.
16. Галкин А. А. Версаль и рейнские сепаратисты / А. А. Галкин. — Москва : Издательство АН СССР, 1962. — 110 с.
17. Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию : Германский фашизм рвётся к власти / Л. И. Гинцберг. — Москва : Наука, 1972. — 455 с.
18. Гинцберг Л. И. Ранняя история нацизма : Борьба за власть / Л. И. Гинцберг. — Москва : Вече, 2004. — 384 с.
19. Гинцберг Л. И. Тень фашистской свастики : Как Гитлер пришёл к власти / Л. И. Гинцберг. — Москва : Наука, 1967. — 206 с.
20. Гришин М. И. Красная Бавария : Баварская советская республика 1919 г. / М. И. Гришин. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1925. — 155 с.

21. *Давидович Д. С.* Революционный кризис 1923 г. в Германии и Гамбургское восстание / Д. С. Давидович. — Москва : Соцэкгиз, 1963. — 336 с.
22. *Драбкин Я. С.* Революция 1918—1919 гг. в Германии : краткий очерк / Я. С. Драбкин. — Москва : Соцэкгиз, 1958. — 443 с.
23. *Драбкин Я. С.* Становление Веймарской республики / Я. С. Драбкин. — Москва : Наука, 1978. — 374 с.
24. *Ерин М. Е.* Веймарская республика в новейших исследованиях российских историков (конец XX — начало XXI века) : текст лекций / М. Е. Ерин ; Ярославский государственный университет. — Ярославль : ЯрГУ, 2005. — 58 с.
25. *Ерусалимский А. С.* Германский империализм : история и современность : исследования, публицистика / А. С. Ерусалимский. — Москва : Наука, 1964. — 664 с.
26. *Застенкер Н. Е.* Баварская советская республика / Н. Е. Застенкер. — Москва : Партийное издательство, 1934. — 158 с.
27. *Застенкер Н.* Баварская советская республика и тактика баварских коммунистов / Н. Застенкер // Историк-марксист. — 1932. — № 4—5. — С. 211—252.
28. *История Германии* : учебное пособие : в 3 тт. / под общей редакцией Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова ; А. М. Бетмакаев, Т. А. Бяликова, Ю. В. Галактионов [и др.]. — Москва : КДУ, 2008. — Т. 2 : От создания Германской империи до начала XXI века. — 672 с.
29. *К итогам дискуссии о характере и особенностях Ноябрьской революции в Германии* // Вопросы истории. — 1958. — № 12. — С. 96—115.
30. *Кастель Е. Р.* Германский федерализм : историко-правовое исследование (1849—1990 гг.) : автореферат диссертации ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Е. Р. Кастель. — Екатеринбург, 1995. — 46 с.
31. *Кизенков С. П.* Политика национал-социалистов в Рейхстаге и прусском ландтаге в 1924—1932 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / С. П. Кизенков. — Минск, 2009. — 24 с.
32. *Кирчанов М. В.* Земля, кровь и память : баварский идентитет, немецкая идентичность и исторические исследования в Баварии (1928—1944 гг.) / М. В. Кирчанов // Межвузовские научно-методические чтения памяти К. Ф. Калайдовича : сборник материалов. — Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2006. — Выпуск 7. — С. 213—222.
33. *Ковалева А.* Застрельщики ноябрьской революции (Гамбург и Бремен) / А. Ковалева // Борьба классов. — 1933. — № 11. — С. 83—93.
34. *Космач В. А.* Германия 1918—1945 гг. : краткий обзор зарубежной и отечественной историографии / В. А. Космач // Актуальные проблемы источниковедения : материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25—27 апреля 2019 г. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. — С. 85—87.
35. *Космач В. А.* Германия в 1918—1919 гг. : рождение республики : монография / В. А. Космач. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2008. — 169 с.
36. *Кульбакин В. Д.* Германская социал-демократия, 1924—1932 гг. / В. Д. Кульбакин. — Москва : Наука, 1978. — 309 с.

37. *Кульбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии / В. Д. Кульбакин. — Москва : Соцэкгиз, 1962. — 671 с.
38. *Кульбакин В. Д.* Переворот 1932 г. в Пруссии и его освещение в исторической литературе ФРГ / В. Д. Кульбакин // Новая и новейшая история. — 1974. — № 4. — С. 196—203.
39. *Куниский С. К.* Шелавин. — Авангардные бои западно-европейского пролетариата. Очерки Германской революции 1918—1919 гг. Часть первая, 1929. Часть вторая, 1930 / С. Куниский // Историк-марксист. — 1930. — № 17. — С. 109—111.
40. *Лексин И. В.* Территориальное устройство Веймарской республики и фашистской Германии / И. В. Лексин // Российский юридический журнал. — 2009. — № 3. — С. 71—81.
41. *Ленchner С. И.* Прусский вопрос и веймарская конституция / С. И. Ленchner // Вопросы истории. — 1947. — № 7. — С. 39—49.
42. *Минский Г.* Под знаком революционного подъема : выборы и классовая борьба в Германии / Г. Минский. — Москва : Партиздат, 1933. — 103 с.
43. *Орлова М. И.* Германия 1918—1939 годов : лекции по курсу / М. И. Орлова. — Москва : Издательство Московского университета, 1973а. — 124 с.
44. *Орлова М. И.* Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии / М. И. Орлова. — Москва : Издательство Московского университета, 1973б. — 432 с.
45. *Павлов Н. В.* Германский федерализм : опыт реформирования / Н. В. Павлов // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 10. — С. 53—63.
46. *Петряев К. Д.* Бременська Рада в Німецької революції 1918—1919 рр. / К. Д. Петряев // Праці Одеського державного університету. Серія історичних наук. — 1958. — Т. 148, Вип. 6. — С. 45—64.
47. *Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Нацистское государство / О. Ю. Пленков. — Санкт-Петербург : Нева, 2004. — 480 с.
48. *Полтавский М. А.* Баварская советская республика / М. А. Полтавский. — Москва : Соцэкгиз, 1959. — 124 с.
49. *Попов И. Д.* Региональная политика Западной и Восточной Германии 1945—1990 гг. в постсоветской историографии / И. Д. Попов // Клио. — 2019а. — № 4. — С. 40—52.
50. *Попов И. Д.* Российская историография региональной политики объединенной Германии (с 1990 года) / И. Д. Попов // Научный диалог. — 2019б. — № 6. — С. 362—393.
51. *Рахмиров П. Ю.* Происхождение фашизма / П. Ю. Рахмиров. — Москва : Наука, 1981. — 180 с.
52. *Садиков В. П.* Пережитки феодализма в Пруссии и прусское законодательство (1919—1932) / В. П. Садиков // Ежегодник германской истории, 1973. — Москва : Наука, 1974. — С. 193—200.
53. *Сапожнікова Г. А.* Бременська Рада робітничих депутатів з 7 листопада 1918 р. — 4 лютого 1919 р. / Г. А. Сапожнікова // Труды історичного факультету Харківського державного університету. — 1957. — Т. 6. — С. 333—356.

54. *Стрелец М. В.* Германский региональный политик Пауль Хирш на крутых поворотах истории / М. В. Стрелец // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 20—41.

55. *Строганова Н. А.* Поляки в Восточной Пруссии в 1918—1939 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Н. А. Строганова. — Калининград, 2004. — 282 с.

56. *Субботин О. Г.* Бавария и рейх : «федеративный конфликт» 1923—1924 гг. / О. Г. Субботин // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. — 2004а. — № 3. — С. 25—30.

57. *Субботин О. Г.* Движение сепаратистов Пфальца в Веймарской Германии / О. Г. Субботин // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. — 2007а. — № 1. — С. 3—9.

58. *Субботин О. Г.* Деятельность конференции немецких земель (1928—1930 гг.) / О. Г. Субботин // *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. — 2017. — № 2. — С. 22—27.

59. *Субботин О. Г.* Институт имперской экзекуции в Германии (1919—1933 гг.) / О. Г. Субботин // *Айчынная і сусветная гісторыя : сучасныя погляды і метады даследавання. Зборнік навуковых артыкулаў*. — Мінск : БДПУ, 2004б. — С. 172—177.

60. *Субботин О. Г.* Историко-правовые аспекты веймарской системы федеративных отношений / О. Г. Субботин // *Всеобщая история. Сборник статей молодых ученых*. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2002. — С. 143—171.

61. *Субботин О. Г.* Место роль Рейхсрата в системе высших органов государственной власти Германии (1919—1934) / О. Г. Субботин // *Образование и наука в XXI веке : ежегодный сборник научных трудов БГПУ*. — Минск : БГПУ, 2018. — С. 161—165.

62. *Субботин О. Г.* Рейнский сепаратизм в Германии (1918—1933 гг.) : пособие / О. Г. Субботин ; Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка. — Минск : БГПУ имени М. Танка, 2007б. — 138 с.

63. *Субботин О. Г.* Трансформация веймарской модели федерализма в Германии (ноябрь 1918 — февраль 1934 г.) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.03 / О. Г. Субботин. — Минск, 2015. — 46 с.

64. *Субботин О. Г.* «Федеративный вопрос» в политике НСДАП / О. Г. Субботин // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. — 2008. — № 3. — С. 17—22.

65. *Субоцін А. Г.* Палітычны каталіцызм у Баварыі (1918—1933 гг.) / А. Г. Субоцін // *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. — 2012а. — № 2. — С. 65—69.

66. *Субоцін А. Г.* Пруска-германскі дуалізму 1920-я гг. / А. Г. Субоцін // *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. — 2012б. — № 4. — С. 54—58.

67. *Субоцін А. Г.* «Удар па Прусіі». Да гісторыі імперскай экзекуцыі 20 ліпеня 1932 года ў Германіі / А. Г. Субоцін // *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. — 2007. — № 3. — С. 46—49.

68. *Терехов О. Э.* Веймарская республика в Германии (1919—1933 гг.) в отечественной историографии 20-х—90-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / О. Э. Терехов. — Кемерово, 2002. — 212 с.

69. *Трухнов Г. М.* Классовая борьба в Германии в 1922—1923 годах / Г. М. Трухнов. — Минск : Издательство БГУ, 1969. — 243 с.

70. *Трухнов Г. М.* Революционный подъем в Германии (конец 1918 — середина 1921 г.) / Г. М. Трухнов. — Минск : Высшая школа, 1963. — 204 с.

71. *Фарбман Н. В.* Борьба рурского пролетариата против французской оккупации и национальной измены магнатов Рура в 1923 году / Н. В. Фарбман // Вопросы истории. — 1955. — №6. — С. 26—41.

72. *Филатов Н. М.* Вольный Бремен : от средневекового совета до совнаркома 1919 г. : монография / Н. М. Филатов ; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. — Пермь : ПГГПУ, 2018. — 192 с.

73. *Филатов Н. М.* Историография первой недолговечной советской республики на немецкой земле / Н. М. Филатов // Вестник пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. — 2013. — № 1. — С. 127—138.

74. *Цветков Г.* Киль, Брауншвейг и Эссен в Ноябрьской революции / Г. Цветков // Борьба классов. — 1933. — № 11. — С. 94—99.

75. *Целищев А. О.* Особенности федерализма в Веймарской республике / А. О. Целищев // Запад — Россия : исторический опыт взаимодействия : материалы межвузовской научной конференции историков России. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2002. — С. 58—62.

76. *Черноперов В. Л.* Традиции и новации в изучении становления Веймарской республики российскими историками / В. Л. Черноперов // Исторический журнал : научные исследования. — 2015. — № 3. — С. 288—299.

77. *Шелавин К.* Авангардные бои западно-европейского пролетариата : очерки германской революции 1918—1919 годов. Ч. 1—2 / К. Шелавин. — Ленинград : Красная газета, 1929—1930. — 562 с.

78. *Шелудченко Н. П.* Социальная политика коалиционного социал-демократического правительства Пруссии в период канцлерства Брюнинга / Н. П. Шелудченко // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время : республиканский сборник / Вологодский государственный педагогический институт. — Вологда : ВГПИ, 1977. — Выпуск 5. — С. 25—37.

Regional Policy of Germany during the Weimar Republic (1918—1933) in Soviet and post-Soviet Historiography

© **Ivan D. Popov (2019)**, orcid.org/0000-0001-6740-2387, ResearcherID C-9135-2014, SPIN 7156-7061, PhD in History, Associate Professor, Department of General History and World Politics, Vologda State University (Vologda, Russia), idpopov@gmail.com.

The article deals with the Soviet and post-Soviet historiography of the regional policy of Germany in the years of the Weimar Republic. It is noted that, despite an occasional appeal to this topic and often the overview and fragmentary nature of its research, over the past century, the main problems of regional development and the relations of the imperial center with the lands of 1918-1933 were identified and studied to varying degrees. It is shown that there are significant discrepancies in the historical assessments of the variability of the Sovietization of the regions during the November Revolution, the essence of Weimar federalism and the ways of its transformation, the position of the Reichsrat, the German-Prussian dualism, the character of the Ordnungszelle regime in Bavaria, the significance of imperial execution in Central Germany in 1923 and Prussia 1932, the nature of Rhine nationalism, the content of the policy of land unification. Each of these issues is discussed in the article. The main issue is the relationship of constitutional regulation of federal relations and their practical implementation. It is also concluded that there is practically no continuity between Soviet historians and scientists of the post-Soviet era in the assessments of the regional policy of Weimar Germany. In conclusion, the main gaps in the study of the regions of the Weimar Republic are presented, which can further form promising areas of research.

Key words: November revolution; Weimar Republic; German federalism; Bavaria; Prussia; Rhine separatism; regional policy; lands of Germany; historiography.

References

- Artemov, V. A. (1990). *Iogann Knif*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Bayev, V. G. (2005). «Unitarnyy» federalizm Veymarskoy Germanii. *Sovremennoye pravo*, 1: 69—70. (In Russ.).
- Bayev, V. G. (2006). Veymarskaya Konstitutsiya Germanii: uzlovyye problemy german-skoy gosudarstvennosti 1919—1933 gg. *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo*, 5: 43—48. (In Russ.).
- Blank, A. S. (1978). *Iz istorii rannego fashizma v Germanii. Organizatsiya. Ideologiya. Metody*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Bonvech, B. [i dr.] (eds.) (2008). *Istoriya Germanii: uchebnoye posobiye: v 3 tt., 2: Ot sozdaniya Germanskoy imperii do nachala XXI veka*. Moskva: KDU. (In Russ.).
- Busygina, I. M. (2000). Germanskiy federalizm: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, potentsial reformirovaniya. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 5: 110—120. (In Russ.).
- Chernopetrov, V. L. (2015). Traditsii i novatsii v izuchenii stanovleniya Veymarskoy respubliki rossiyskimi istorikami. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*, 3: 288—299. (In Russ.).
- Davidovich, D. S. (1963). *Revolutsionnyy krizis 1923 g. v Germanii i Gamburgskoye vosstaniye*. Moskva: Sotsekgiz. (In Russ.).
- Drabkin, Ya. S. (1958). *Revolutsiya 1918—1919 gg. v Germanii: kratkiy ocherk*. Moskva: Sotsekgiz. (In Russ.).
- Drabkin, Ya. S. (1978). *Stanovleniye Veymarskoy respubliki*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Erin, M. E. (2005). *Veymarskaya respublika v noveyshikh issledovaniyakh rossiyskikh istorikov (konets XX — nachalo XXI veka): tekst lektsiy*. Yaroslavl': YarGU. (In Russ.).

- Erusalimskiy, A. S. (1964). *Germanskiy imperializm: istoriya i sovremennost': issledovaniya, publitsistika*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Farbman, N. V. (1955). Borba rurskogo proletariata protiv frantsuzskoy okkupatsii i natsionalnoy izmeny magnatov Rura v 1923 godu. *Voprosy istorii*, 6: 26—41. (In Russ.).
- Filatov, N. M. (2013). Istoriografiya pervoy nedolgovечноy sovetskoй respubliki na nemetskoй zemle. *Vestnik permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 1: 127—138. (In Russ.).
- Filatov, N. M. (2018). *Volnyy Bremen: ot srednevekovogo soveta do sovnarkoma 1919 g.* Perm': PGGPU. (In Russ.).
- Galaktionov, Yu. V. (2007). *Otechestvennaya istoriografiya germanskogo fashizma (1920-e gody — pervaya polovina 1990-kh godov)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (In Russ.).
- Galkin, A. A. (1962). *Versal' i reynskiye separatisty*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. (In Russ.).
- Gintsberg, L. I. (1967). *Ten' fashistskoy svastiki: Kak Gitler prishel k vlasti*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gintsberg, L. I. (1972). *Na puti v imperskuyu kantselyariyu: Germanskiy fashizm rvetsya k vlasti*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gintsberg, L. I. (2004). *Rannyyaya istoriya natsizma: Borba za vlast'*. Moskva: Veche. (In Russ.).
- Grishin, M. I. (1925). *Krasnaya Bavariya: Bavarskaya sovetskaya respublika 1919 g.* Moskva; Leningrad: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Isupov, V. S. (ed.) (1996). *Vostochnaya Prussiya: c drevneyshikh vremen do kontsa Vtoroy mirovoy voyny*. Kaliningrad: Kaliningradskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- K itogam diskussii o kharaktere i osobennostyakh Noyabrskoy revolyutsii v Germanii. (1958). *Voprosy istorii*, 12: 96—115. (In Russ.).
- Kastel', E. R. (1995). *Germanskiy federalizm: istoriko-pravovoye issledovanie (1849-1990 gg.): avtoreferat dissertatsii ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.01.* Ekaterinburg. (In Russ.).
- Kirchanov, M. V. (2006). Zemlya, krov' i pamyat': bavarskiy identitet, nemetskaya identichnost' i istoricheskiye issledovaniya v Bavarii (1928—1944 gg.). In: *Mezhvuzovskiyе nauchno-metodicheskiye chteniya pamyati K. F. Kalaydovicha: sbornik materialov*, 7. Elets: EGU imeni I. A. Bunina. 213—222. (In Russ.).
- Kizenkov, S. P. (2009). *Politika natsional-sotsialistov v Reykhstage i prusskom landtage (v 1924—1932 gg.): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03.* Minsk. (In Russ.).
- Kosmach, V. A. (2008). *Germaniya v 1918—1919 gg.: rozhdeniye respubliki: monografiya*. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. (In Russ.).
- Kosmach, V. A. (2019). Germaniya 1918—1945 gg. kratkiy obzor zarubezhnoy i otechestvennoy istoriografii. In: *Aktualnyye problemy istochnikovedeniya: materialy*

- V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii k 110-letiyu Vitebskoy uchenoy arkhivnoy komissii, Vitebsk, 25—27 aprelya 2019 g.* Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. 85—87. (In Russ.).
- Kovaleva, A. (1933). Zastrelshchiki noyabrskoy revolyutsii (Gamburg i Bremen). *Borba klassov, 11*: 83—93. (In Russ.).
- Kulbakin, V. D. (1962). *Ocherki noveyshey istorii Germanii*. Moskva: Sotsekgiz. (In Russ.).
- Kulbakin, V. D. (1974). Perevorot 1932 g. v Prussii i yego osveshcheniye v istoricheskoy literature FRG. *Novaya i noveyshaya istoriya, 4*: 196—203. (In Russ.).
- Kulbakin, V. D. (1978). *Germanskaya sotsial-demokratiya, 1924—1932 gg.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kuniskiy, S. K. (1930). Shelavin. — Avangardnyye boi zapadno-yevropeyskogo proletariata. *Ocherki Germanskoy revolyutsii 1918—1919 gg. Chast' pervaya, 1929. Chast' vtoraya, 1930. Istorik-marksist, 17*: 109—111. (In Russ.).
- Leksin, I. V. (2009). Territorialnoye ustroystvo Veymarskoy respubliki i fashistskoy Germanii. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal, 3*: 71—81. (In Russ.).
- Lenchner, S. I. (1947). Prusskiy vopros i veymarskaya konstitutsiya. *Voprosy istorii, 7*: 39—49. (In Russ.).
- Minskiy, G. (1933). *Pod znakom revolyutsionnogo podema: vybory i klassovaya borba v Germanii*. Moskva: Partizdat. (In Russ.).
- Orlova, M. I. (1973). *Germaniya 1918—1939 godov: lektzii po kursu*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Orlova, M. I. (1973). *Revolutsionnyy krizis 1923 g. v Germanii i politika Kommunisticheskoy partii*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Pavlov, N. V. (2007). Germanskiy federalizm: opyt reformirovaniya. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, 10*: 53—63. (In Russ.).
- Petryaev, K. D. (1958). Bremenska Rada v Nimetskoï revolyutsii 1918—1919 rr. *Pratsi Odeskogo derzhavnogo universitetu. Seriya istorichnikh nauk, 148 (6)*: 45—64. (In Ukrain.).
- Plenkov, O. Yu. (2004). *Tretyi Reykh. Natsistskoye gosudarstvo*. Sankt-Peterburg: Neva. (In Russ.).
- Poltavskiy, M. A. (1959). *Bavarskaya sovetskaya respublika*. Moskva: Sotsekgiz. (In Russ.).
- Popov, I. D. (2019). Regionalnaya politika Zapadnoy i Vostochnoy Germanii 1945—1990 gg. V postsovetskoy istoriografii. *Klio, 4*: 40—52. (In Russ.).
- Popov, I. D. (2019). Rossiyskaya istoriografiya regionalnoy politiki obyedinennoy Germanii (s 1990 goda). *Nauchnyy dialog, 6*: 362—393. (In Russ.).
- Rakhshmir, P. Yu. (1981). *Proiskhozhdeniye fashizma*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Sadikov, V. P. (1974). Perezhitki feodalizma v Prussii i prusskoye zakonodatelstvo (1919—1932). In: *Yezhegodnik germanskoy istorii, 1973*. Moskva: Nauka. 193—200. (In Russ.).
- Sapozhnikova, G. A. (1957). Bremenska Rada robitnichikh deputativ z 7 listopada 1918 r. — 4 lyutoga 1919 r. *Trudi istorichnogo fakultetu Kharkivskogo derzhavnogo universitetu, 6*: 333—356. (In Ukrain.).

- Shelavin, K. (1929—1930). *Avangardnyye boi zapadno-yevropeyskogo proletariata: ocherki germanskoy revolyutsii 1918—1919 godov, 1—2*. Leningrad: Krasnaya gazeta. (In Russ.).
- Sheludchenko, N. P. (1977). Sotsialnaya politika koalitsionnogo sotsial-demokraticeskogo pravitelstva Prussii v period kantslerstva Bryuninga. In: *Germanskoye rabocheye i demokraticeskoye dvizheniye v noveysheye vremya: respublikanskiy sbornik*, 5. Vologda: VGPI. 25—37. (In Russ.).
- Strelets, M. V. (2017). Germanskiy regionalnyy politik Paul Khirsh na krutykh povorotakh istorii. *Historia provinciae — zhurnal regionalnoy istorii*, 1 (2): 20—41. (In Russ.).
- Stroganova, N. A. (2004). *Polyaki v Vostochnoy Prussii v 1918—1939 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Kaliningrad. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2002). Istoriko-pravovyye aspekty veymarskoy sistemy federativnykh otnosheniy. In: *Vseobshchaya istoriya: sbornik statey molodykh uchenykh*. Moskva: Institut vseobshchey istorii RAN. 143—171. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2004). Institut imperskoy ekzekutsii v Germanii (1919—1933 gg.). In: *Aychynnaya i susvetnaya gistoryya: suchasnyye poglyady i metady dasledvannyya. zbornik navukovykh artykulyay*. Minsk: BDPU. 172—177. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2004). Bavariya i reykh: «federativnyy konflikt» 1923—1924 gg. *Vesnik Vitsebskaga dzyarzhaynaga universiteta*, 3: 25—30. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2007). Dvizheniye separatistov Pfaltsa v Veymarskoy Germanii. *Vesnik Vitsebskaga dzyarzhaynaga yniversiteta*, 1: 3—9. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2007). *Reynskiy separatizm v Germanii (1918—1933 gg.): Belorusskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni M. Tanka*. Minsk: BGPU imeni M. Tanka. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2008). «Federativnyy vopros» v politike NSDAP. *Vesnik Vitsebskaga dzyarzhaynaga universiteta*, 3: 17—22. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2015). *Transformatsiya veymarskoy modeli federalizma v Germanii (noyabr' 1918 — fevral' 1934 g.): avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk*. Minsk. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2017). Deyatelnost' konferentsii nemetskikh zemel' (1928—1930 gg.). *Vesti BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kulturalogiya*, 2: 22—27. (In Russ.).
- Subbotin, O. G. (2018). Mesto, rol' Reykhsrata v sisteme vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti Germanii (1919—1934). *Obrazovaniye i nauka v XXI veke: yezhegodnyy sbornik nauchnykh trudov BGPU*. Minsk: BGPU. 161—165. (In Russ.).
- Subotsin, A. G. (2007). «Udar pa Prusii». Da gistoryi imperskaya ekzekutsyi 20 lipenya 1932 goda y Germanii. *Vesti BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kulturalogiya*, 3: 46—49. (In Belar.).
- Subotsin, A. G. (2012). Palitychny katalitsyzm u Bavaryi (1918—1933 gg.). *Vesti BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kulturalogiya*, 2: 65—69. (In Belar.).

- Subotsin, A. G. (2012). Pruska-germanski dualizmu 1920-ya gg. *Vesti BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filosofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kulturalogiya*, 4: 54—58. (In Belar.).
- Terekhov, O. E. (2002). *Veymarskaya respublika v Germanii (1919—1933 gg.) v otechestvennoy istoriografii 20-kh—90-kh gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Kemerovo. (In Russ.).
- Trukhnov, G. M. (1963). *Revolutsionnyy podym v Germanii (konets 1918 — seredina 1921 g.)*. Minsk: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Trukhnov, G. M. (1969). *Klassovaya borba v Germanii v 1922—1923 godakh*. Minsk: Izdatelstvo BGU. (In Russ.).
- Tselishchev, A. O. (2002). Osobennosti federalizma v Veymarskoy respublike. In: *Zapad — Rossiya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya: materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii istorikov Rossii*. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 58—62. (In Russ.).
- Tsvetkov, G. (1933). Kil', Braunshveyg i Essen v Noyabrskoy revolyutsii. *Borba klassov*, 11: 94—99. (In Russ.).
- Vasilyev, V. I. (2000). *Germskiy federalizm: problemy razvitiya*. Moskva: Kompaniya Sputnik+. (In Russ.).
- Vasilyev, V. I. (2001). *Sovremennyy germskiy federalizm: politicheskiye realii i problemy razvitiya: dissertatsiya ... doktora politicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Vatlin, A. Yu. (2012). Shtarnbergskaya kommuna: neizvestnyy epizod iz istorii Bavarskoy sovetsskoy respubliki 1919 goda. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2: 139—157. (In Russ.).
- Vatlin, A. Yu. (2013). Revolyutsionnaya povsednevnost': budni Sovetskoy Bavarii v aprele 1919 goda. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*, 3: 302—311. (In Russ.).
- Vatlin, A. Yu. (2013). Sovetskaya Respublika v Bavarii: istoriya politicheskikh mifov. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 4: 32—49. (In Russ.).
- Vatlin, A. Yu. (2014). *Sovetskoye ekho v Bavarii. Istoricheskaya drama 1919 g. V shesti glavakh, pyati kartinakh i dvadtsati dokumentakh*. Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).
- Vinogradov, M. V. (2003). *Vostochnopruskiy anklav v mezhvovennyy period (1918—1939 gg.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Vinogradov, M. V. (2008). Radikalizatsiya politicheskikh sil Vostochnoy Prussii v 1921—1932 gg. *Kaliningradskiy arkhiv*, 8: 103—110. (In Russ.).
- Zastenker, N. (1932). Bavarskaya sovetsskaya respublika i taktika bavarskikh kommunistov. *Istori-marksisht*, 4—5: 211—252. (In Russ.).
- Zastenker, N. E. (1934). *Bavarskaya sovetsskaya respublika*. Moskva: Partiynoye izdatelstvo. (In Russ.).